

ЭТНОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2021-52-1-12>

Головнев А.В.^a, Данилова Е.Н.^{a, b}

^a Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская набережная, 3, Санкт-Петербург, 199034

^b Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Софьи Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990

E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru (Головнев А.В.); danilova@northarch.ru (Данилова Е.Н.)

СОВЕТСКАЯ ВЕРСИЯ ЭТНОЭКСПЕРТИЗЫ: ДОКЛАДНЫЕ ЗАПИСКИ ЭТНОГРАФОВ-СЕВЕРОВЕДОВ 1950–1990-х гг.

На основе анализа докладных записок исследована практика советской этноэкспертизы, которая вмещала в себя как этнографические данные, подкрепляющие социалистическую идеологию, так и элементы академической оценки и служила своего рода трансмиссией между интересами Советского государства и северных народов. Следуя идеологическим и политическим установкам власти, этнографы пытались — в ряде случаев решительно — корректировать политику Советского государства по отношению к народам Севера.

Ключевые слова: этнография, Север, Сибирь, СССР, народ, этнологическая экспертиза, прикладные исследования, социализм, оседлость, кочевники, традиции.

Если под этнологической экспертизой понимать административно востребованную научную оценку состояния этнической общности и предполагаемых последствий воздействия на нее промышленных проектов и иных внешних факторов (примерно так она сегодня определяется), то придется признать, что многое в истории науки о народах прямо или косвенно связано с подобного рода заказными обследованиями и изысканиями. В свое время пионеры народоведения брались за дело непременно по воле правителей: в XVII в. Иоганн Шеффер изучал саамов Лаппонии по запросу канцлера Швеции Делагарди; в XVIII в. Даниэль Мессершмидт отправился в сибирскую экспедицию по заданию Петра I; П.С. Паллас, И.Г. Георги, И.И. Лепехин и их спутники выполняли грандиозный план Екатерины II по обследованию империи. Как бы ни пытались исследователи (в том числе авторы этой статьи) откеститься от политики и идеологии в пользу «чистого академизма», реальность народоведения показывает неразрывную связь науки (знания) и политики (практики). Более того, именно практическим назначением определяется почвенность российской этнографии, выросшей в XVIII в. из управленческой потребности познания народов империи. Позднее, какие бы потрясения ни испытывала наука о народах, при смене власти она всякий раз заново актуализировалась как технология «инвентаризации» людских, в том числе этнических, ресурсов империи [Головнев, 2014, 2018]. Этим объясняется взлет этнографии/логии на заре советского национал-социализма в 1920-е гг., а затем, после падения в 1930-е, очередной подъем ее значимости с середины 1950-х гг. Заключительная фаза советской эпохи (1950–1980-е гг.) была временем строительства коммунизма и политической оттепели, интернационализации и поощрения национальных форм (при социалистическом содержании) — амбивалентных трендов, по-своему подмывших фундамент СССР. Однако наше внимание сейчас сфокусировано не на этноэкспертизе краха СССР (которая еще ждет своего исследователя), а на конкретной практике составления этнографами докладных записок в центральные и местные органы власти в период с середины 1950-х до начала 1990-х гг. К этому располагает и публикация значительной части этих докладных записок (106) в пяти выпусках серии «Этнологическая экспертиза: Народы Севера России»¹. Напомним, что после погрома этнологии на рубеже 1920–1930-х гг. и низведения ее на уровень «вспомогательной исторической дисциплины», изучающей быт и первобытный коммунизм, ее «реабилитация» в середине 1950-х гг. стала поворотным событием для этнографов и изучаемых ими народов.

¹ Этнологическая экспертиза: Народы Севера России / Ред. З.П. Соколова, Е.А. Пивнева. М.: ИЭА РАН, 2004–2007 (далее — ЭЭ).

Госзадание

Смерть И.В. Сталина послужила своего рода амнистией для прежних планов и обязательств; вскоре, по инициативе Л.П. Бериин, было прекращено строительство трансполярной железнодорожной магистрали Чум — Салехард — Игарка, известной как «Стройка-501/503» или «Сталинка», тоннеля под Татарским проливом на о. Сахалин, сети автодорог на Кольском п-ве [Гриценко, Калинин, 2010, с. 195]. Тотальная индустриализация Севера силами ГУЛАГа завершилась, уступив место новым ориентирам, связанным, например, с открытием в сентябре 1953 г. первого в Сибири месторождения природного газа — Березовского. В 1953 г. Главсевморпуть (ГУСМП) был переведен из прямого подчинения Совмина СССР в Министерство морского транспорта СССР и тем самым утратил главенствующую роль в Арктике (которую два десятилетия назад он принял у расформированного Комитета Севера при ВЦИК СССР). Известный экономист-северовед С.В. Славин, умело следуя «колебаниям партийного курса» и смещая акцент «с диктата развития промышленности на необходимость создания благоприятной среды для человека», инициировал организацию Комиссии по изучению и развитию Севера; в декабре 1953 г. он писал в докладе председателю Совмина СССР Г.М. Маленкову: «Вопросы комплексного развития районов Севера никем не разрабатываются, что ведет к большим потерям в народном хозяйстве, которые практически не учитываются» ([Калеменева, 2018, с. 183, 185, 187]; см. также: [Славин, 1961]). Примечательно, что при обсуждении статуса Комиссии выдвигались варианты ее подчиненности Академии наук и Госплану; в итоге она была приписана к Академии, но с включением в ее состав представителя Госплана.

В 1954–1955 гг. были сформированы две структуры, сыгравшие ключевые роли в развитии северной этнографии и этноэкспертизы²: 1) Отдел по экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера и Арктики при Совете Министров РСФСР и 2) Сектор народов Севера в московском отделении Института этнографии, преобразованный в 1956 г. в Сектор по изучению социалистического строительства у малых народов Севера. Синхронно созданные, эти структуры работали в тесном контакте: ученые выполняли задания министерства, участвовали в подготовке правительственных решений, осуществляли консультации и отвечали на запросы партийных и правительственных органов, по результатам полевых наблюдений специально созданной Северной экспедиции составляли и направляли в Отдел Севера Совмина РСФСР докладные записки о состоянии северных народов, включая их реакции на проводимые администрацией мероприятия, традиции и новации в образе жизни, хозяйстве, расселении, культуре, образовании, здравоохранении и т.д.

Таким образом, с 1954 г. можно вести отсчет новой эпохи в советской этнографии Севера, имевшей административный импульс и выраженный прикладной характер. Это перекликается с отчетом о работе Института этнографии за 1954 г., согласно которому решения партии и правительства по вопросам развития хозяйства и культуры требовали от этнографов усиления работы на многих участках [Золотаревская, 1955, с. 128]. Долговременное и системное обследование районов и народов Севера было идеологически ориентированным, что видно из названия сектора — «по изучению социалистического строительства у малых народов Севера». Академическая этнография, загнанная в 1930-е гг. в подполье, в середине 1950-х вернулась в статус академической дисциплины, тем более что прикладные наблюдения быстро обрастали фундаментальными исследованиями этногенеза и этнической истории, социальных структур, материальной и духовной культуры, религии и мифологии. С той поры московский сектор Севера стал опорным в научно-практических (прикладных) исследованиях, тогда как ленинградский уделял больше внимания традиционной академической этнографии.

Взаимодействие чиновников и ученых имело практическим результатом подготовку целого ряда решений и постановлений партии и правительства 1950–1960-х гг. Обновленную повестку национальной политики в отношении коренных народов Севера определило постановление СМ РСФСР № 1778 от 22 декабря 1954 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры малых народностей районов Севера». 3 сентября 1956 г. на заседании Бюро ЦК КПСС по РСФСР обсуждался вопрос о состоянии работы в районах Севера. 10 декабря 1956 г. Совет Министров РСФСР принял постановление «О мерах помощи в развитии хозяйства и культуры районов Севера», в котором уже ощутима рука эксперта-исследователя: вместо общих импера-

² Постановление Президиума АН СССР № 663 от 10 декабря 1954 г. «Об усилении научно-исследовательских работ по Советскому Северу» // АРАН. Ф. 2. Оп. 6. Д. 180. Л. 210.

тивов в нем отмечена специализация жителей тундры, лесотундры, тайги и крупных акваторий на оленеводстве и промыслах в зависимости от природных условий, а также допустимость внедрения аграрных отраслей средней полосы (животноводства, огородничества) лишь в экологически и экономически благоприятных обстоятельствах. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 300 от 16 марта 1957 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» содержало кредо советской северной политики:

В прошлом многие из этих народностей не имели письменности, вели преимущественно кочевой образ жизни и были обречены на вымирание. Теперь, в условиях советского социалистического строя в этих районах создана горнодобывающая промышленность, оснащенная современной техникой, получили развитие рыбная промышленность, водный и воздушный транспорт, а в Коми АССР, Ямало-Ненецком и Таймырском национальных округах построены железные дороги. Народы Крайнего Севера в результате социалистических преобразований, при братской помощи всех народов Советского Союза в основном перешли на оседлость, обеспечили подъем хозяйства, вырастили значительную группу своей интеллигенции... [КПСС в резолюциях, 1986, с. 175].

Помимо декларативной части постановление содержало критику и исходящие из нее рекомендации: «Руководящие партийные и советские работники краевых и областных организаций редко бывают в районах и колхозах Севера, плохо знают жизнь, нужды и запросы народностей Севера»; «допускают серьезные недостатки в руководстве национальными округами и районами, неудовлетворительно организуют массово-политическую и культурно-просветительскую работу среди местного населения, недостаточно учитывают его обычаи и традиции, слабо заботятся о выращивании и правильном использовании кадров национальной интеллигенции». В 1-м пункте постановляющей части звучала директива: «Обеспечить всесторонне развитие экономики и культуры народностей районов Севера, самым внимательным образом учитывая все их национальные особенности» [Там же, с. 177].

Настойчивое упоминание «национальных особенностей», «обычаев и традиций» в партийных и министерских резолюциях (во исполнение указаний ЦК дополнительно вышло постановление Совмина РСФСР № 501 от 1 июня 1957 г. «О дополнительных мероприятиях по развитию экономики и культуры народностей Севера») свидетельствует о значимости этнографической экспертизы в принятии политических решений. Правда, это было последнее до эпохи брежневского «застоя» специальное постановление по народам Севера столь высокого политического уровня (постановления Совмина СССР от 3 сентября 1960 г. «О дополнительных мерах по развитию хозяйства и культуры народностей Севера», Бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совмина РСФСР от 8 июля 1961 г. «О преобразовании рыболовецких колхозов и сельскохозяйственных артелей Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого национальных округов Тюменской области в совхозы и другие государственные и кооперативные хозяйства» и другие дополняли постановление ЦК КПСС и СМ СССР № 300 [Киселев, 1974, с. 215–252]).

Докладные записки

В 1956 г. в Институте этнографии была учреждена Северная экспедиция, которая просуществовала до начала 1990-х гг. По территориальному размаху, количеству полевых отрядов, числу участников и прикладной эффективности результатов ей не было равных среди отечественных экспедиций XX в. [Батянова, 2017, с. 13]. Для проведения экспедиционных исследований привлекались сотрудники сектора Сибири ленинградского отделения Института этнографии, а также студенты и преподаватели факультета народов Севера Ленинградского пединститута им. Герцена.

Докладные записки по результатам поездок составлялись ежегодно и направлялись в директивные органы для осведомления о положении дел на Севере; они носили закрытый характер и предназначались только для служебного пользования. В некоторых указывался особый адресат, которому предоставлялись собранные сведения: секретный отдел Совета Министров РСФСР, первый заместитель председателя Совета Министров РСФСР, сектор партийных органов Восточной Сибири ЦК КПСС, Госплан РСФСР, экономическая комиссия Совета национальностей Верховного Совета СССР, Министерство здравоохранения РСФСР и др.

Структура записок была примерно одинаковой и не зависела от научных интересов этнографов. В них, с акцентом на проблемных сюжетах, содержались сведения о демографии и характере расселения коренных жителей, экономическом состоянии колхозов, материальном по-

Советская версия этноэкспертизы: докладные записки этнографов-североведов 1950–1990-х гг.

ложении колхозников (заработки, жилищно-бытовые условия, питание, обеспеченность одеждой), характеристики культуры и быта, образования, здравоохранения.

Полевые исследования длились от 1,5 до 6 месяцев, а некоторые записки составлялись по итогам экспедиций разных лет. Помимо опросов коренного населения проводились интервью с председателями колхозов, специалистами сельского хозяйства, работниками райисполкома, привлекались документальные материалы местных учреждений и организаций, сведения из архивов.

В год составлялось от 4 до 10 докладных записок. По их количеству нельзя прямо судить об активности этнографов или об актуальности северной проблематики в госструктурах, но определенная динамика в период 1956–1994 гг. все же прослеживается (рис. 1). Если в 1950-е гг. этот показатель колебался в диапазоне от 2 до 7, то к середине 1960-х он снизился до нуля (с 1967 по 1972 гг.), затем последовало некоторое оживление, а на начало 1980-х гг. пришелся резкий взлет, предшествовавший буму этничности и распаду советской системы.

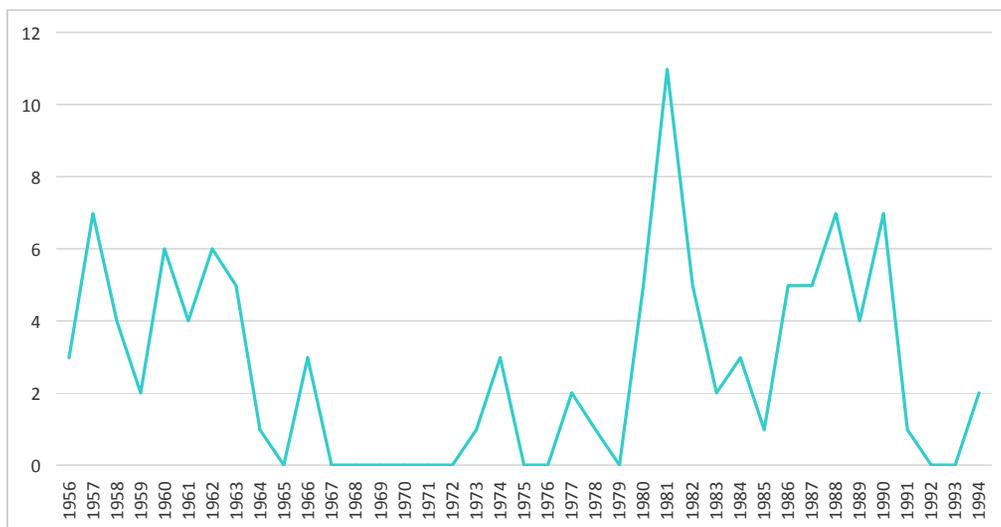

Рис. 1. Схема распределения количества докладных записок по годам исследований (1956–1994).

Fig. 1. Scheme of distribution of the reports by years of research (1956–1994).

Экспедиции проводились на территории Российского Севера и Сибири, в современных границах 15 субъектов РФ (рис. 2). Большинство выездов (с четким указанием локации полевого исследования) совершено в Красноярский край (32), Хабаровский край и Чукотский автономный округ (по 12), Ямало-Ненецкий автономный округ (11). Мурманская область, которая никак не фигурирует в отдельных документах, упоминается в записке З.П. Соколовой, посвященной этническим территориям «малочисленных народов Севера, живущих в Арктике и на Крайнем Севере» [ЭЭ 1985–1994, 2007, с. 266–283]. Подробные сведения о Северной экспедиции, ее работе, концепциях, основных направлениях, научных и практических результатах изложены в статье Е.П. Батяновой [2013].

Из 106 проанализированных документов 9 посвящены общим характеристикам малых народов Севера (например, Б.О. Долгих «О положении малых народов Севера и о мероприятиях по подъему их хозяйства, культуры и улучшению быта», И.С. Гурвича «Некоторые социально-экономические проблемы современного развития народностей Севера в свете решений директивных органов»). Остальные записки составлены либо о конкретной этнической группе (Е.А. Алексеенко, Р.Ф. Итс «О положении кетов в национальных колхозах Туруханского района Красноярского края»), либо о коренном населении конкретного района (Е.А. Алексеенко, Р.Ф. Итс «Положение коренного населения Туруханского района Красноярского края») [ЭЭ 1956–1958, 2004, с. 252–272; ЭЭ 1959–1962, 2005, с. 155–180, 252–272; ЭЭ 1985–1994, 2007, с. 101–107]. В докладных записках давались сводки о каждой проживающей на территории исследования группе, общая характеристика населения или сведения сразу о нескольких народах. Всего в документах представлены данные о 28 этнических группах (рис. 3), среди которых чаще всего упоминаются эвенки (21), ненцы (13), селькупы, ханты и чукчи (11).

Рис. 2. Территория проведения полевых исследований по данным докладных записок (1956–1994).
Fig. 2. The area of field research according to the data of reports (1956–1994).

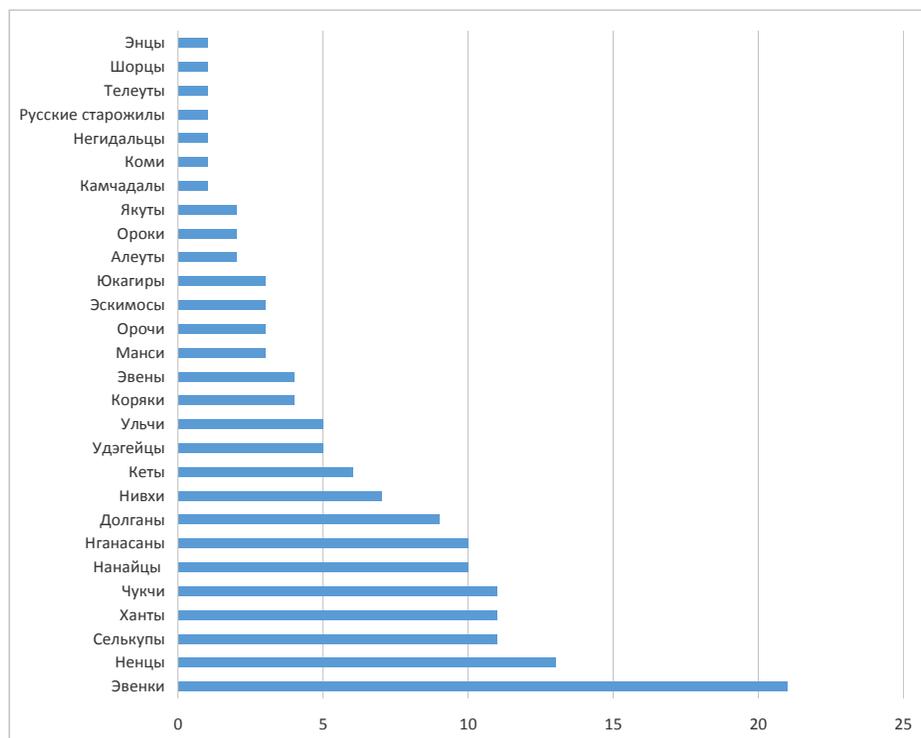

Рис. 3. Частота упоминаний этнических групп в докладных записках.
Fig. 3. Frequency of mentioning ethnic groups in reports.

Большинство записок представляют собой обзоры и оценки современного положения того или иного народа/народов по ряду характеристик, включая хозяйство колхозов/промхозов, материальное положение его членов, снабжение региона, вопросы культуры, быта, здоровья и здравоохранения. Некоторые сюжеты, например проблема алкоголизма и «сухого закона» — словами Б.О. Долгих, «совершенно безобразное положение с завозом спирта» [ЭЭ 1959–1962, 2005, с. 174], — удостоились внимания на протяжении всего рассматриваемого периода. Документы, посвященные экспертизе по конкретной тематике, появляются только в 1980-е гг., например А.В. Смоляк «О взаимоотношениях народов Севера и Сахалина Хабаровского края с окружающим населением», В.З. Панфилов и А.В. Смоляк «О проблемах преподавания нивхского языка в школе», В.И. Васильев «К проблеме строительства магистрального газопровода и железной дороги на полуострове Ямал» [ЭЭ 1981–1984, 2006, с. 176–180, 220–223; ЭЭ 1985–1994, 2007, с. 83–88].

Перевод на оседлость

Одной из главных задач строительства социализма у народов Севера был перевод кочевников на оседлость. Императив оседлости исходил из аксиомы: кочевникам не место в социализме по причине их отсталости и приверженности косным традициям. Вообще говоря, антиномадизм свойственен не только социализму, но и капитализму, что объясняется, помимо прочего, цивилизационной травмой от нашествий кочевников в эпоху их военно-политического господства. Неприятие кочевников сквозит даже у масштабно мыслящих европейских историков: «Общество кочевников является обществом, у которого нет истории» [Тойнби, 1991, с. 186]; империя Петра I положила конец «большой судьбе» кочевников; «порох и пушки одержали верх над их быстротой», и кочевники предстали тем, что они есть на самом деле: «бедными группами человеческих существ»; номадизм — абсурдный, хотя и резонансный, случай «длительного паразитизма, который, однако, безвозвратно миновал» [Бродель, 1986, с. 112].

Подвергнутый опале идеологами модерна, номадизм повсеместно испытал тотальный натиск и уцелел на окраинах мира лишь благодаря своей исключительной адаптивности и мобильности. С разной степенью решительности кочевников ликвидировали «как класс» не только в СССР, но и в Норвегии, Турции, Иране, Ираке, Саудовской Аравии, Кении, Танзании, Камеруне, Габоне и других странах мира [Hele, 1994; Chatty, 1996; Blench, 2001; Matsuura, 2009]. Например, в Норвегии стратегия норвегизации саамов в 1930-х гг. исходила из социал-дарвинистского убеждения в том, что номадизм представляет собой «исторический пережиток», чья естественная смерть — ибо «слабый всегда уступает сильному» — лишь дело времени» [Paine, 1994, с. 158]. Помимо прочего, кочевниками всегда сложно управлять: они при любых обстоятельствах всеми средствами противятся подчинению и отстаивают свою независимость (как это показали еще в царское время непокорные ненцы и чукчи). Советская власть с первых дней продемонстрировала стремление «осадить» (в прямом и переносном смысле) кочевников казахов, киргизов, калмыков, упорно уходивших от контроля, пересекавших государственные границы, игнорировавших идеалы революции и классовой борьбы [Синицын, 2018].

Вплоть до недавнего времени апологеты перевода кочевников на оседлость не допускали мысли об альтернативной судьбе номадизма, полагая, что помехой в достижении поставленной цели седентаризации оказывается лишь нерешительность местных администраторов. Показательна, к примеру, риторика одного из последовательных борцов с северным номадизмом Ф.С. Донского, сотрудника Института социологических исследований АН СССР, проводившего целый ряд ответственных экспертиз (по сути больше социологических, чем этнографических), касавшихся ключевых проблем коренных жителей Севера.

Кочевой образ жизни оказывает отрицательное влияние на здоровье людей, на формирование всесторонне развитой личности и социалистического образа жизни населения. Поэтому преодоление его стало одной из неотложных проблем социального развития Крайнего Севера, в условиях же развитого социализма — объективной необходимостью... Ликвидация кочевого образа жизни является частью общегосударственной задачи преодоления существенных различий между городом и деревней [Донской, 2002, с. 9].

Кочевой образ жизни значительной части народностей Севера является одним из тяжелых наследий прошлого, ликвидация которого в условиях развитого социализма стала первостепенной задачей. Актуальность решения данной проблемы продиктована постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 7 февраля 1980 г. № 115 и Совета Министров РСФСР от 1980 г. № 260 «О мерах по дальнейшему экономическому и социальному развитию районов проживания народностей Севера», которыми поставлена задача «разработки и осуществления мероприятий по завершению к 1990 г. перевода в районах проживания народностей Севера кочевых семей на оседлый образ жизни, имея в виду обеспечить их полную занятость в общественном производстве, профессиональное обучение с учетом традиция народностей Севера, улучшение бытовых и жилищных условий» [Там же, с. 199].

В соответствии с этими установками Ф.С. Донской, как и другие эксперты от экономики и социологии, в ходе и по результатам обследований направлял местных администраторов:

Однако местные партийные и хозяйственные органы Тюменской области не придали должного значения этому пункту Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, не разработали комплексные социально-экономические мероприятия по завершению перевода кочевого населения на оседлый образ жизни... Как заявил председатель окрисполкома Н.П. Тишин, в округе вообще не

намерены переводить оленеводов на оседлый образ жизни. Такое положение руководство окрисполкома мотивирует стремлением сохранить поголовье оленей [Донской, 2006, с. 124, 125].

<...> в Ямало-Ненецком автономном округе наличие большого поголовья оленей в личном хозяйстве народностей Севера в настоящее время выступает не только фактором, тормозящим завершение перевода кочевого населения на оседлый образ жизни... В дальнейшем становлении личного подсобного хозяйства народностей Севера, переведенных на оседлый образ жизни, необходимо ориентироваться на разведение коров, свиней, развитие огородничества [Там же, с. 132, 133].

На этом фоне публиковавшиеся в открытой печати размышления этнографов о традициях и многообразии кочевания выглядели инакомыслием, хотя и облакались в осторожные фразы:

В зависимости от типов оленеводства и охоты, а также природных условий характер кочевания и маршруты кочевков у разных групп народов были различны. Для ряда групп чукчей и коряков были характерны «кольцевые» маршруты, для ненцев, энцев, нганасан «ленточные» — зимой на юг, ближе к лесу, где теплее, летом на север, к морю, где меньше гнуса. Для большинства северных народов кочевание было единственно возможной формой жизни... Переход к оседлому образу жизни коренного населения — это длительный и сложный процесс... Сейчас известно несколько способов организации оленеводства для перехода оленеводов к оседлому образу жизни: создание промежуточных баз как переходной формы к оседанию (Чукотский национальный округ), выпас оленей в изгородах (Мурманская область), сменно-звеньевой выпас оленей (Ненецкий национальный округ) и т.п. [Новая жизнь, 1967, с. 66, 68].

Если в открытых публикациях этнографы предпочитали сдержанный тон, то в докладных записках позволяли себе критику политики перевода на оседлость кочевников-оленеводов:

За последние годы развернулась работа по переводу на оседлость кочевого населения, в связи с чем усиленно ведется строительство домов. Предполагается каждому пастуху, бригадиру построить дом. В некоторых колхозах уже добились того, что часть женщин и детей остались на центральных усадьбах, а их мужья находятся в стадах. Этим мероприятием, которое, кстати, не поддерживается оленеводами, разлучили членов семьи, разорвали единый семейный организм на две части, что явно вредно как для экономики этой семьи, так и для ее моральных устоев. Вредно это и для производства, так как пастухи всегда стремятся к семье, бросают свои стада, приезжают на усадьбу и задерживаются здесь, несмотря ни на какие резоны со стороны руководства колхозов. Чукчи-оленеводы, проживающие на центральной усадьбе, в любой момент готовы возвратиться к кочевому быту, особенно семьи пастухов (И.С. Вдовин) [ЭЭ 1956–1958, 2004, с. 136].

<...> резкая ломка привычных условий быта, сделанная даже с самыми лучшими намерениями, в отношении народов Севера может привести к самым отрицательным результатам. То, что оседлость сама по себе не спасает народы Севера от вымирания, показывает судьба азиатских эскимосов... Поэтому нельзя считать правильной установку Постановления Совета Министров РСФСР от 20 февраля 1960 г. за № 264, которая намечает перевод на оседлость всего населения Севера в 2–3 года... формальное выполнение постановления о переводе всех 12 тыс. семей, осваивающих третью часть территории РСФСР, на оседлость в 2–3 года может принести не пользу, а вред (Б.О. Долгих) [ЭЭ 1959–1962, 2005, с. 168–169].

Пытаясь увещевать власть, Б.О. Долгих прибегал к доводам об угрозе обороноспособности страны из-за перевода кочевников на оседлость:

<...> в ряде случаев огульный перевод на оседлость и проводившееся вместе с этим сселение в поселки привели к отрыву коренного населения от его промысловых угодий и обезлюдило значительные пространства Севера, которые теперь перестали осваиваться человеком. Стремление превратить огромные пространства советского Севера в безлюдные пустыни опасно и с оборонной точки зрения. Как известно, Север является пограничной зоной нашей страны. Прекращение регулярных передвижений оленеводов и охотников по тундре и тайге, исчезновение в глубинных районах Севера населения, знающего каждую пядь своей территории, может иметь весьма отрицательные последствия для дела обороны СССР с Севера (Б.О. Долгих) [ЭЭ 1959–1962, 2005, с. 169].

Если лидеры ленинградской и московской групп этнографов-североведов И.С. Вдовин и Б.О. Долгих рублили сплеча фразами о «вреде» перевода на оседлость и не стеснялись говорить об ошибочности постановления Совета Министров РСФСР, то их молодые сотрудники выбирали обтекаемые выражения, но в том же «ревизионистском» ключе:

Там, где пастухи кочуют без семей, оленеводство быстро падает. Так, в Олюторском районе пастухи живут без семей, поэтому стремятся в поселок, оставляют стада без присмотра и оленей уничтожают волки (И.С. Гурвич) [ЭЭ 1956–1958, 2004, с. 168].

Однако большая работа по переходу на оседлость коренного населения, связанная с большими затратами на строительство, ведение новых отраслей, в ряде случаев не привели к желаемым результатам... Подвижность в быту и образ жизни хантов остались прежними. Они переезжают с участка на участок семьями, живя там в чумах... Чаще новые дома в поселках стоят пустые и заколоченные или же в них живут приезжие специалисты (З.П. Соколова) [ЭЭ 1959–1962, 2005, с. 353].

Трудно решить вопрос о переводе оленеводов на оседлость. Даже когда будет полностью решена проблема ликвидации бытового кочевания, сохранится кочевание производственное (А.В. Смоляк) [ЭЭ 1963–1980, 2006, с. 86].

Подобными суждениями этнографы нарушали принцип советского единомыслия, благодаря чему, кстати, этнография в СССР считалась зоной свободных дискуссий и даже сдержанной критики классиков марксизма (например, относительно универсальности матриархата и родового строя, специфики «остяко-вогульского феодализма», «азиатского способа производства», кочевого образа жизни). Примечательно, что это критическое мышление исходило не из идеологических предпочтений, а из научной эмпирики, основанной на экспертных этнографических разработках. В этом смысле этноэкспертиза опережала развитие фундаментальной академической науки: с момента формулировки первых критических пассажей И.С. Вдовина и Б.О. Долгих оставалось почти три десятилетия до открытой публикации тезиса Б.В. Андрианова: «Всюду и всегда ли необходим... полный переход от круглогодичного кочевания отдельных групп населения к оседлости?» [1985, с. 6].

О пользе традиций

Сверхзадачей советской политики на Крайнем Севере был большой скачок малых народов «от патриархальщины к социализму» [Сергеев, 1955; Бударин, 1968; Киселев, 1974]. Этот переход предусматривал не полную замену, а преобразование культуры, поскольку кое-что в наследии коренных северян — прежде всего черты бесклассового коммунизма в общественных отношениях — обладало социальной ценностью. Многие в материальной и духовной культуре подлежали замене, но и здесь «национальные формы» рассматривались в качестве опоры для обновления и осовременивания. В этой части этнографическая экспертиза призвана была отделить злаки от плевел и определить, с какими «пережитками» следует покончить, а какие традиции можно применить к социализму на Севере. Наиболее жарко обсуждались нововведения в экономике, технике, материальной культуре; сомнений в целесообразности новаций не было, но споров о конкретных новшествах предостаточно.

И.С. Гурвич в серии докладных записок из Восточной Сибири и с Камчатки предлагал «расширить жилищное строительство», «разработать для оленеводов передвижные разборные жилища со всеми удобствами» и наладить их промышленное (заводское) производство, сконструировать легкую разборную мебель из алюминиевых трубок. Правда, позднее он же сообщал, что построенные жилища оказались не приспособлены к условиям Севера. Л.В. Хомич дополняет картину известиями из Ямало-Ненецкого округа: «Те переносные жилища, которые присылают, не годны: они очень тяжелы для перевозки, пластмассовые крепления быстро ломаются и т.д.» [ЭЭ 1956–1958, 2004, с. 52, 167; ЭЭ 1963–1980, 2006, с. 167; ЭЭ 1985–1994, 2007, с. 102].

В открытых публикациях И.С. Гурвича и его коллег вводимые новшества также обстоятельно обсуждались. Например, на Оби и в Эвенкии в 1960-е гг. чумы быстро вытеснялись палатками; кроме того, было создано несколько типов разборных жилищ из новых материалов (чумы Н.О. Дьяченко, Л.И. Файко и И.П. Попова, синтетическая юрта Мытищинского завода и т.д.), но они оказались тяжелыми (до 100 кг), непрочными и трудоемкими при сборке, особенно зимой, когда дюралюминий сильно охлаждается, а пластиковые покрытия коробятся. Московский инженер А.П. Гринберг спроектировал каркас полусферической формы весом в 40 кг, состоящий из пластиковых труб и легко свертывающийся в катушку или жгут. Институт сельского хозяйства Крайнего Севера (Норильск) разработал серию проектов передвижных домиков для оленеводов — палаток и балка. Сконструированная на базе традиционного жилища (яранги) в Якутии (совхоз «Нижнеколымский») получила распространение меховая палатка полусферической формы с деревянным каркасом из треног, нюковым (снаружи) и брезентовым (внутри) покры-

тиями, с железной печкой (зимой). В Магаданской области также распространились утепленные брезентовые палатки или палатки из оленьих шкур. «Недалеко то время, когда изготовленные на промышленных предприятиях из современных материалов жилища окончательно вытеснят традиционные чумы и яранги», — полагали этнографы [Новая жизнь, 1967, с. 67–70].

Энтузиазм этнографов по поводу новаций не распространялся на огородничество и животноводство, за которые ратовали сторонники перевода кочевников на оседлость. Во многих докладных записках 1950–1960-х гг. этнографы выступали против внедрения на Севере чуждого ему южного аграрного производства. Наблюдая реальное состояние интродуцированных отраслей, они отмечали их нерентабельность, наносимый традиционным промыслам ущерб, «неправильное определение основной отрасли хозяйства»; призывали отказаться от побочных занятий (В.А. Туголуков), не придавать земледельческого сельскохозяйственного направления колхозам, прекратить опыты по введению новых отраслей хозяйства и сосредоточить основное внимание на развитии традиционных форм хозяйства — оленеводства, охоты и рыболовства (И.С. Гурвич); ликвидировать «животноводство и полеводство, как совершенно нерентабельные отрасли хозяйства» (И.С. Вдовин) [ЭЭ 1956–1958, 2004, с. 51, 97, 138, 184, 240].

Общей проблемой, отмечавшейся во многих докладных записках 1950–1970-х гг., был дефицит у администраторов этнографических знаний. Б.О. Долгих настаивал: «Необходимо как-то готовить специалистов, посылаемых на Север... Нельзя посылать на Север девочек, только что окончивших техникумы». Он описывал ситуацию, когда учитель нулевых классов не подозревала, что среди ее учеников были дети разных народностей, говорящих на разных языках; а «председатель Таймырского окрисполкома тов. Колониченко не знал, что нганасаны живут только у него в округе». Лидер советских североведов подчеркивал необходимость использования «положительных традиций национальной культуры» и предлагал давать «приезжим работникам Севера хотя бы минимальную этнографическую подготовку, чтобы научить их уважать самобытную культуру народов Севера и удерживать их от некоторых благоглупостей». По его мнению (основанному на собственном опыте), «желательно, чтобы в национальных округах и районах Севера были штатные этнографы-консультанты. Эти этнографы могли бы взять на себя функции уполномоченных центрального органа по делам народов Севера» [ЭЭ 1956–1958, 2004, с. 197; ЭЭ 1959–1962, 2005, с. 176, 178].

В докладных записках 1980-х гг. все чаще обозначаются «интересы коренного населения», особенно в связи с «проблемами экологии и промышленного освоения», от решения которых «зависит развитие традиционного хозяйства народов Севера, их культуры, само их существование» (З.П. Соколова) [ЭЭ 1985–1994, 2007, с. 174]. Впрочем, призывы этнографов учитывать интересы коренного населения при разработке планов геологоразведочных работ и промышленного строительства звучали уже в 1960-е гг. (Л.В. Хомич) [ЭЭ 1963–1980, 2006, с. 172]. В конце советского периода эта тема была особенно актуальна для западносибирского нефтекомплекса, и докладные записки З.П. Соколовой пестрят тревожными сообщениями: «численность оленей, запасы рыбы, зверя и птицы сокращаются», «нефтяные ручьи длиной до 50 км и шириной 150–200 м текут в Сургутском районе»; реки загрязняются отходами нефти и лесом; «тайга засыпана пенопластом» [ЭЭ 1985–1994, 2007, с. 109, 119, 120, 159, 191–209, 213]. В.И. Васильев пишет первые экспертные заключения о проектах строительства газопровода и железной дороги на Ямале. «С точки зрения оптимального сочетания строительства с интересами коренного населения» он предлагает альтернативный вариант прокладки газопровода, предусматривающий «изучение опыта строительства подобных объектов на Американском Севере», «расходы на проведение историко-культурного изучения трассы будущего строительства... с целью фиксации, а в необходимых случаях и перетранспортировки в музеи основных памятников национальной культуры», проведение систематических работ по изучению и сохранению культуры ненцев Ямала в рамках «Программы социального, этнического и хозяйственно-культурного развития коренного населения» в связи с промышленным освоением региона [ЭЭ 1985–1994, 2007, с. 83–88]. В Томской области В.И. Васильев во избежание экологического ущерба от промышленности и для сохранения культуры селькупов рекомендует организовать национальные поселки, которые вместе с прилегающей территорией должны получить статус государственных национальных заказников [ЭЭ 1985–1994, 2007, с. 128]. Сходные этноэкспертные заключения давались по Чукотке, где наблюдается «прогрессирующее расширение площадей золоторазработок, частые пожары, выгорание пастбищ подрывают оленеводство» (И.С. Гурвич) и по ТЭО совместного советско-южнокорейского предприятия в п. Светлая Тернейского

р-на Приморского края, разработанного проектным институтом Гипролестранс (З.П. Соколова) [ЭЭ 1985–1994, 2007, с. 131, 256–265]. Эти разработки уже непосредственно предшествуют и по существу соответствуют этноэкспертизе постсоветского времени. Ограниченный объем записок не снижает их основательности: они были вписаны в контекст регулярного этнографического мониторинга районов Крайнего Севера и потому в каждом конкретном случае не нуждались в многословном и многостороннем описании.

Составление докладных записок было государственным заказом и обязанностью сотрудников Института этнографии, проводивших полевые исследования на Севере и в Сибири. Анализ документов показывает, что этнографы, в целом следуя идеологическим и политическим установкам власти, пытались — в ряде случаев решительно — корректировать политику Советского государства по отношению к народам Севера. Как отмечают З.П. Соколова и Е.А. Пивнева, к числу реальных результатов экспертиз можно отнести, например, прекращение массового перевода на оседлость, сокращение не свойственных Северу занятий сельским хозяйством, ограничение завоза спиртных напитков, распространение северных льгот на коренное население, улучшение здравоохранения и образования [ЭЭ 1956–1958, 2004, с. 6, 7]. В настоящее время докладные записки советских этнографов, содержащие большой объем непосредственных наблюдений и статистических данных, являются источниками по истории северных народов и национальной политике советской власти.

А.Н. Ямсков сравнивает жанр советских докладных записок с первым этапом становления прикладной антропологии в США по Дж. Уилленгену, для которого характерно привлечение исследователей-этнологов в роли консультантов государственных органов и частных компаний без участия «в воплощении в жизнь собственных рекомендаций» [2006, с. 16, 17]. Сравнение уместно с учетом того, что в СССР госзаказ был заметно жестче и директивы партии и правительства следовало исполнять. Если считать эту практику этноэкспертизой (хотя такого термина еще не было), то точнее, в духе времени, называть ее не этнологической, а этнографической.

Советская государственная этноэкспертиза была централизованной, проводилась не ситуативно, как в постсоветский период, а регулярно — в СССР все происходило не по случаю, а по плану. Первоначально замысел охвата таким постоянным обследованием народов Севера стал мотивом создания специализированного сектора Севера под началом Б.О. Долгих в московской части Института этнографии АН СССР. Соответствующей была и структура сектора, где за каждым специалистом был закреплен народ (или группа народов).

Советская этноэкспертиза служила своего рода трансмиссией между интересами советского государства и северных народов. Этот мониторинг велся как плановая долговременная экспертиза по единой программе на всем пространстве советского Севера. Докладные записки — лишь вершина айсберга, часть системы циркуляции информации, которой подпитывалось управление Севером. Эта система включала в себя экспертизу, которая, с одной стороны, подкрепляла этнографическими данными социалистическую идеологию, с другой — содержала элементы внешней — академической — оценки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9. Изд. 9. М.: Политиздат, 1986. 574 с.

Литература

- Андреанов Б.В.* Неоседлое население мира. М.: Наука, 1985. 280 с.
- Батьянова Е.П.* Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.) // ЭО. 2013. № 4. С. 17–34.
- Батьянова Е.П.* Северная экспедиция Института этнографии и ее роль в развитии советской школы полевого этнографического североведения // Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 13–38.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: Возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 624 с.
- Бударин М.Е.* Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. Омск: Западно-Сибирское книжное изд-во, 1968. 474 с.
- Головнев А.В.* Этнологическая экспертиза в сценариях ресурсного освоения Ямала // УИВ. 2014. № 2 (43). С. 143–153.
- Головнев А.В.* Этнография в российской академической традиции // Этнография. 2018. № 1. С. 6–39.
- Гриценко В.Н., Калинин В.А.* 501/503. История «мертвой дороги». Екатеринбург: Баско, 2010. 240 с.
- Донской Ф.С.* Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Якутск: Якутский филиал изд-ва СО РАН, 2002. Т. 1. 340 с.

- Донской Ф.С. Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока во второй половине XX века. Новосибирск: Наука, 2006. Т. 3. 427 с.
- Золотаревская И. Работа Института этнографии АН СССР в 1954 году // СЭ. 1955. № 2. С. 126–129.
- Калеменева Е.А. Смена моделей освоения советского севера в 1950-е гг. Случай комиссии по проблемам Севера // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 181–200.
- Киселев Л.Е. От патриархальщины к социализму. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1974. 268 с.
- Новая жизнь народов Севера / Ред. Васильев В.И., Гурвич И.С., Симченко Ю.Б. М.: Наука, 1967. 119 с.
- Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.; Л.: Изд-во АН СССР (ТИЭ. Н.С. Т. 27). 1955. 569 с.
- Синицын Ф.Л. «Погоня за населением»: Советизация «кочевых» регионов СССР в 1920-е гг. // Петербургский исторический журнал. № 4. 2018. С. 126–141.
- Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Экономиздат, 1961. 302 с.
- Тойнби А.Дж. Постыжение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
- Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2004. 370 с.
- Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2005. 410 с.
- Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. 379 с.
- Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2006. 319 с.
- Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. М.: ИЭА РАН, 2007. 316 с.
- Ямсков А.Н. Этноэкологические экспертизы в международных организациях // Этнология обществу: Прикладные исследования в этнологии / Отв. ред. С.В. Чешко. М.: Оргсервис-2000, 2006. С. 10–62.
- Blench R. 'You can't go home again': Pastoralism in the new millennium. L.: ODI, 2001.
- Chatty D. Mobile pastoralists: development planning and social change in Oman. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1996.
- Hele K. Native people and the socialist state: the native populations of Siberia and their experience as part of the Union of Soviet Socialist Republics // Canadian Journal of Native Studies. 14 (2). 1994. P. 251–272.
- Matsuura N. Visiting patterns of two sedentarized Central African hunter-gatherers: Comparison of the Babongo in Gabon and the Baka in Cameroon // African Study Monographs. 30 (3). 2009. P. 37–159.
- Paine R. Herds of the Tundra: A Portrait of Saami Reindeer Pastoralism. Washington and London: Smithsonian Institution Press, 1994.

Golovnev A.V.^a, Danilova E.N.^{a, b}

^a Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the RAS
Universitetskaya Naberezhnaya, 3, St. Petersburg, 190034, Russian Federation

^b Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the RAS
S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620099, Russian Federation

E-mail: Andrei_golovnev@bk.ru (Golovnev A.V.); danilova@northarch.ru (Danilova E.N.)

Soviet version of ethno-expertise: reports of Northern ethnographers of 1950s–1990s

The article provides an overview of the ethnographer-to-government reports ($n = 106$) published in five issues of the “Ethnological Expertise: Peoples of the Russian North” series. These documents, which represent valuable sources on the history of the northern populations and the national policy of the Soviet government from the mid-1950s to the early 1990s, contain information on demography and distribution of the indigenous groups, economy of collective farms, material status of collective farmers (earnings, living conditions, subsistence, provision of clothing), characteristics of their culture and life, education, and health care. During the analysed period, the monitoring of ethnic communities was carried out as a planned long-term expertise under a unified program throughout the entire territory of the Soviet North. The requirement for this large-scale and continuous survey served as the motive for the creation of the North Sector in the Moscow division of the Institute of Ethnography of the Academy of Sciences of the USSR, where each specialist was assigned to a particular population (or group of peoples). Preparation of reports for the central and local authorities was a state order and the responsibility of employees of the Institute of Ethnography, who conducted field research in the North and Siberia. The analysis of the documents shows that ethnographers, generally following the ideological and political guidelines of the authorities, tried – in some cases rather decisively — to correct the policy of the Soviet state in relation to the peoples of the North. Based on their own expert surveys, they criticized the transition of nomads to a settled way of life, the introduction of southern agricultural branches in the North, the lack of ethnographic knowledge among administrators; they discussed and proposed innovations in economy, technology, material culture, etc. The Soviet ethno-expertise encompassed, on the one hand, ethnographic data supporting socialist ideology, on the other – elements of academic evaluation; it served as a kind of transmission between the interests of the Soviet state and the northern peoples.

Key words: ethnography, North, Siberia, USSR, people, ethnological expertise, applied research, socialism, sedentarization, nomads.

REFERENCES

- Andrianov B.V. (1985). *Non-settled population of the world*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Batyanova E.P. (2013). The North expedition of the Institute of Ethnography (1956–1991). *Etnograficheskoe obozrenie*, (4), 17–34. (Rus.).
- Batyanova E.P. (2017). The Northern Expedition of the Institute of Ethnography and its role in evolution of Soviet school of field ethnographic Northern studies. In: *Pole kak zhizn': K 60-letiiu Severnoi ekspeditsii IEA RAN*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 13–38. (Rus.).
- Blench R. (2001). *'You can't go home again': Pastoralism in the new millennium*. London: ODI, 2001.
- Brodel' F. (1986). *Material civilization, economy and capitalism, XV–XVIII centuries. T. 1: The structures of everyday life: The possible and the impossible*. Moscow: Progress. (Rus.).
- Budarin M.E. (1968). *Way to communism of the small peoples of Far North*. Omsk: Zapadno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. (Rus.).
- Chatty D. (1996). *Mobile pastoralists: Development planning and social change in Oman*. New York: Columbia Univ. Press.
- Donskoi F.S. (2002). *Indigenous small peoples of the North, Siberia and the Far East in the second half of the twentieth century. Vol. 1*. Yakutsk: Iakutskii filial izd-va SO RAN. (Rus.).
- Donskoi F.S. (2006). *Indigenous small peoples of the North, Siberia and the Far East in the second half of the twentieth century. Vol. 3*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).
- Golovnev A.V. (2014). Ethnological expertise in the scenarios of resource development on Yamal peninsula. *Ural'skij istoriceski vestnik*, 43(2), 143–153. (Rus.).
- Golovnev A.V. (2018). Ethnography in the Russian academic tradition. *Etnografia*, (1), 6–39.
- Gritsenko V.N., Kalinin V.A. (2010). *501/503. Story of the "death road"*. Ekaterinburg: Basko. (Rus.).
- Hele K. (1994). Native people and the socialist state: the native populations of Siberia and their experience as part of the Union of Soviet Socialist Republics. *Canadian Journal of Native Studies*, 14(2), 251–272.
- Kalemeneva E.A. (2018). Models of the Soviet North development in the 1950s: The case of Commission on Northern Issues. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, (2), 181–200. (Rus.).
- Kiselev L.E. (1974). *From patriarchy to socialism*. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izdatel'stvo. (Rus.).
- Matsuura N. (2009). Visiting patterns of two sedentarized Central African hunter-gatherers: Comparison of the Babongo in Gabon and the Baka in Cameroon. *African Study Monographs*, 30(3), 137–159.
- Paine R. (1994). *Herds of the Tundra: A Portrait of Saami Reindeer Pastoralism*. Washington and London: Smithsonian Institution Press.
- Sergeev M.A. (1955). Non-capitalistic way of evolution of the small peoples of the North. *Trudy Instituta etnografii*, (27). Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR. (Rus.).
- Sinitsyn F.L. (2018). "Pursuing the population": sovietization of "Nomadic" regions of the USSR in the 1920s. *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, (4), 126–141. (Rus.).
- Slavin S.V. (1961). *The industrial and transport development of the USSR North*. Moscow: Ekonomizdat, 1961. (Rus.).
- Sokolova Z.P., Pivneva E.A. (Eds.) (2004). *Ethnological expertise: Peoples of the Russian North. 1956–1958s*. Moscow: IEA RAN. (Rus.).
- Sokolova Z.P., Pivneva E.A. (Eds.) (2005). *Ethnological expertise: Peoples of the Russian North. 1959–1962s*. Moscow: IEA RAN. (Rus.).
- Sokolova Z.P., Pivneva E.A. (Eds.) (2006). *Ethnological expertise: Peoples of the Russian North. 1963–1980s*. Moscow: IEA RAN. (Rus.).
- Sokolova Z.P., Pivneva E.A. (Eds.) (2006). *Ethnological expertise: Peoples of the Russian North. 1981–1984s*. Moscow: IEA RAN. (Rus.).
- Sokolova Z.P., Pivneva E.A. (Eds.) (2007). *Ethnological expertise: Peoples of the Russian North. 1985–1994s*. Moscow: IEA RAN. (Rus.).
- Toinbi A.Dzh. (1991). *Comprehension of history*. Moscow: Progress. (Rus.).
- Vasil'ev V.I., Gurvich I.S., Simchenko Iu.B. (Eds.) (1967). *New life of the peoples of the North*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Yamskov A.N. (2006). Ethno-ecological expertise in international organizations. *Etnologia obshchestvu: Prikladnye issledovaniia v etnologii*. Moscow: Orgservis-2000, 10–62. (Rus.).
- Zolotarevskaiia I. (1955). Work of the Institute of Ethnography, Academy of Sciences of the USSR, in 1954. *Sovetskaia etnografia*, (2), 126–129. (Rus.).

Головнев А.В., <https://orcid.org/0000-0002-5716-655X>

Данилова Е.Н., <https://orcid.org/0000-0002-8183-4810>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 07.12.2020

Article is published: 26.02.2021